

УДК 93/94(4)+94(47).024+913

Манаширов Д.И.¹

**ОСОБЕННОСТИ СКЛАДЫВАНИЯ РУССКО-ХАЗАРСКОЙ ЛЕСОСТЕПНОЙ
ЭТНОКОНТАКТНОЙ ЗОНЫ В ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ ДНЕПРО-ДОНСКОГО
РЕГИОНА**

Пятигорский государственный университет

Manashirov D.I.

**FEATURES OF THE RUSSIAN-KHAZAR FOREST-STEPPE ETHNO-CONTACT ZONE
IN THE EASTERN PART OF THE DNEPRO-DON REGION**

Pyatigorsk State University

Аннотация. В статье рассматривается процесс формирования русско-хазарской этноконтактной зоны в восточной части Днепро-Донского региона в VIII–X вв. Анализируются факторы военно-политической и колонизационной экспансии Хазарского каганата, роль фортификационной системы в бассейнах Северского Донца, Оскола и Тихой Сосны, а также полиэтничный характер взаимодействия славянского, аланского, болгарского населения. Особое внимание уделяется геополитическому значению региона и последствиям разгрома каганата князем Святославом в 965 г.

Ключевые слова: Хазарский каганат, Древняя Русь, фортификация, культурный обмен, экспансия

Abstract. The article examines the process of formation of the Russian-Khazar ethnocontact zone in the eastern part of the Dnieper-Don region in the VIII–X centuries. The factors of the military-political and colonization expansion of the Khazar Khaganate, the role of the fortification system in the basins of the Seversky Donets, Oskol and Tikhaya Sosna, as well as the multiethnic nature of the interaction of the Slavic, Alan, and Bulgarian populations are analyzed. Special attention is paid to the geopolitical significance of the region and the consequences of the defeat of the khaganate by Prince Svyatoslav in 965.

Keywords: Khazar Khaganate, Ancient Rus, fortification, cultural exchange, expansion

Введение.

От предгорий Северного Кавказа до лесостепных зон Великой Русской равнины простирались владения Хазарского каганата — государства тюркских кочевников, ставшего

¹ Манаширов Даниил Игоревич — Студент 3 курса бакалавриата направления «История международных отношений», ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»

преемником западной части Тюркского каганата. Начиная с VIII в. хазары продолжили активное продвижение на запад, чему сопутствовало постепенное складывание оседлого населения в причерноморских и приазовских степях. Территория Донецкого края и Северо-Восточного Приазовья на протяжении длительного времени служила местом пересечения различных этносов и культурных традиций. Этому способствовали благоприятные природные условия: южные и юго-западные склоны Донецкого края, плавно переходящие в Приазовскую возвышенность, образуют пологую степную равнину, густо изрезанную реками, оврагами и балками [1, с. 7–8]. Памятники хазарского времени идентифицируются по наличию предметов салтово-маяцкой культуры, которую исследователи интерпретируют как государственную. Как отмечает Д.Т. Березовец, в VIII–X вв. на территории среднего и нижнего течения Северского Донца, его притоков, в низовьях Дона и Приазовье обитало многочисленное население, обладавшее высокой и практически единой культурой, основу которой составляли аланские и болгарские племена [2, с. 60].

Актуальность темы определяется сохраняющимся в современной исторической науке дискуссионным характером ряда проблем, связанных с взаимодействием славянского и кочевого миров на юго-восточных рубежах Древней Руси. Несмотря на обширную историографию, посвященную хазаро-русским отношениям, многие аспекты существования этноконтактной зоны в восточной части Днепро-Донского региона до сих пор остаются недостаточно изученными.

Объектом исследования выступает система межэтнических взаимодействий в лесостепной зоне восточной части Днепро-Донского междуречья в VIII–X вв. Предметом исследования являются механизмы формирования русско-хазарской этноконтактной зоны, включая роль фортификационных сооружений каганата в контроле над торговыми путями и миграционными потоками, а также последствия разгрома Хазарии князем Святославом в 965 г.

Историографический обзор свидетельствует о том, что проблема хазаро-русских отношений традиционно находилась в центре внимания исследователей. В дореволюционной историографии значительный вклад в ее разработку внес В.Н. Татищев, обобщивший летописные сведения о походе Святослава [16]. В советский период фундаментальные работы были созданы С.А. Плетневой, посвященные археологическим памятникам славяно-хазарского пограничья [18], А.П. Новосельцевым, исследовавшим геополитическое значение Хазарского каганата [4], а также коллективом авторов под редакцией В.Д. Барана, обобщившим данные о славянских поселениях Юго-Восточной Европы [8]. Среди современных исследователей следует выделить В.В. Колоду, изучавшего

контакты славянского мира и Хазарского каганата на Северском Донце [10], В.С. Флёрова, анализировавшего присутствие славян на территории каганата [9], О.Б. Бубенка, исследовавшего стратегическое положение Саркела [17], а также С.Н. Темушева, реконструировавшего данные отношения славян и хазар [15]. Вместе с тем целостное исследование механизмов формирования этноконтактной зоны в восточной части Днепро-Донского региона, в котором акцент был бы сделан на роли фортификационной системы и полиэтническом характере взаимодействия, в историографии до сих пор отсутствует.

Источниковая база статьи представлена несколькими группами источников. К письменным источникам относятся сочинения византийских авторов (Константин Багрянородный «Об управлении империей» [5]), арабских путешественников (Ибн Хордадбех «Книга путей и стран» [14]), а также летописные известия, сохранившиеся в трудах В.Н. Татищева [16]. Археологические материалы включают данные о салтово-маяцких памятниках, городищах и селищах в бассейнах Северского Донца, Оскола и Тихой Сосны [1; 3; 10].

Цель данной работы заключается в выявлении механизмов формирования полиэтнического пограничья между Хазарским каганатом и Древней Русью в лесостепной зоне восточной части Днепро-Донского междуречья. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие *задачи*:

- 1) охарактеризовать военно-политические и экономические факторы экспансии Хазарского каганата в регионе;
- 2) определить роль фортификационной системы каганата в бассейнах Северского Донца, Оскола и Тихой Сосны;
- 3) выявить полиэтнический характер взаимодействия славянского, аланского и болгарского населения в этноконтактной зоне;
- 4) проанализировать геополитические последствия разгрома Хазарского каганата князем Святославом.

Хронологические рамки исследования охватывают период с VIII по X вв. Нижняя граница связана с началом активной экспансии Хазарского каганата на запад и складыванием оседлого населения в регионе. Верхняя граница определяется 965 г., когда поход князя Святослава привел к разгрому каганата и кардинальной трансформации политической карты Восточной Европы.

Территориальные рамки ограничены восточной частью Днепро-Донского региона, включая бассейны рек Северский Донец, Оскол и Тихая Сосна, а также прилегающие лесостепные территории, где фиксируются памятники салтово-маяцкой культуры и

славянские поселения роменской и боршевской культур.

Методологическую основу исследования составляют принципы историзма и системного анализа. В работе используются следующие методы: историко-генетический – для прослеживания процесса формирования этноконтактной зоны; историко-сравнительный – для сопоставления археологических и письменных источников; картографический – для локализации фортификационных сооружений и анализа стратегического положения укреплений; проблемно-хронологический – для последовательного изложения событий и анализа причинно-следственных связей. Комплексное применение данных методов позволяет всесторонне реконструировать процесс складывания русско-хазарского лесостепного пограничья.

Военно-экономическое влияние Хазарского каганата на юго-восточных рубежах Древней Руси обеспечивалось сетью укреплений, возведенных вдоль рек, Северский Донец, Оскол и Тихая Сосна (Рис. 1).

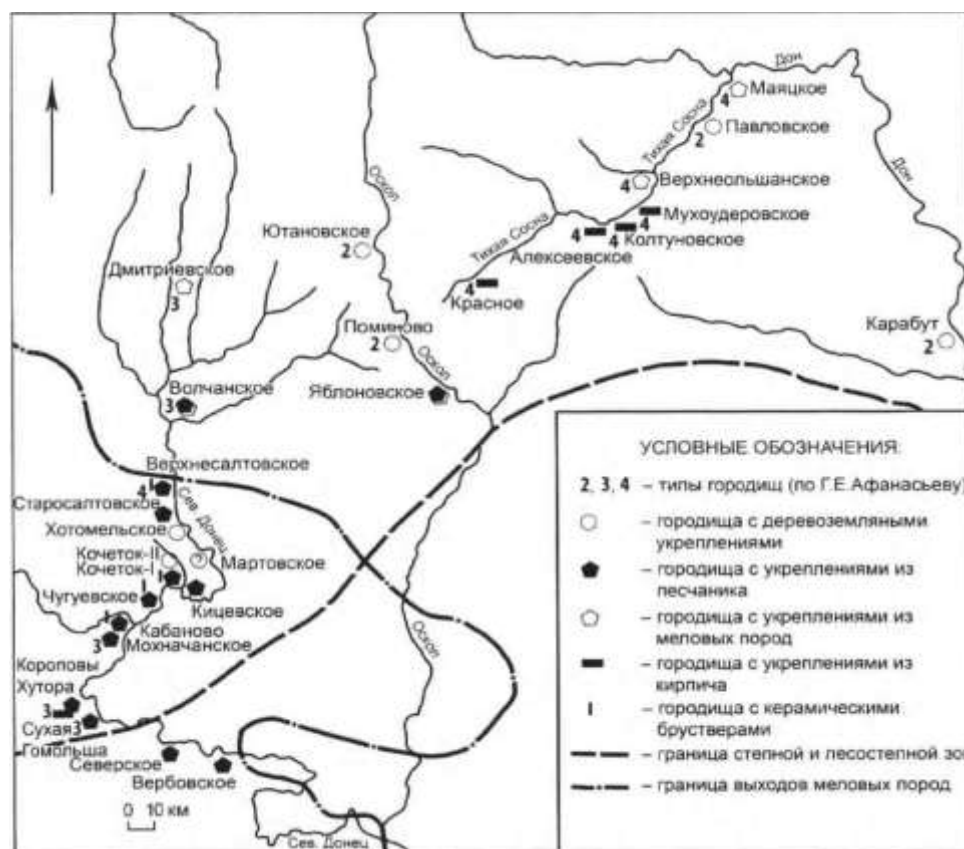

Рис. 1. Карта салтово-маяцких лесостепных городищ на р. Сев. Донец, Оскол и Тихая Сосна [3, с. 465].

Эти водные артерии выполняли не только хозяйственную, но и стратегическую функцию: по Северскому Донцу, единственному судоходному из трех, можно было выйти в

Нижний Дон, а оттуда – к Азовскому морю и крымским портам. Это обстоятельство предопределило пристальное внимание хазар к Подонью – региону, который, как отмечал А.П. Новосельцев, занимал особое место в системе их интересов. Именно здесь, на Дону и Северском Донце, хазарскими правителями были возведены крепости, призванные обеспечить надежный контроль над ключевыми торговыми коммуникациями.

Укрепления обеспечивали контроль над торговыми коммуникациями – не только теми, что проходили непосредственно по Волге, но и маршрутами, соединявшими Волгу (через Переволоку) с Доном, Азовским морем, Крымом и другими центрами. Столь пристальное внимание к данному району объяснялось тем, что международная торговля служила одним из главных источников существования Хазарского каганата и его правящей элиты [4, с. 109]. Данное обстоятельство позволяло организовывать активное военнотехническое сотрудничество с Византией, приглашать греческих специалистов для строительства фортификаций рассматриваемой местности. В частности, известно упоминание Константином Багрянородным практики обустройства поданными императора Феофила хазарской крепости Саркел [5, с. 171]. Возведение укреплений на Дону и Северском Донце было продиктовано не только оборонительными, но и фискально-торговыми задачами – защитой и регулированием транзитных потоков, приносивших каганату основные доходы.

Хазарский каганат имел геополитически значимое расположение, выполняя роль культурно-экономического буфера между европейскими и азиатскими сообществами. Так, данное государство контролировало западную оконечность Евразийской степи, удерживая значительную часть волн кочевников Востока на своей территории [6, с. 42]. Иными словами этатизм Хазарского каганата не позволял появиться за Карпатами регулярных случаев разорения оседлого населения, что наблюдалось ранее в эпоху Великого переселения народов и последующий период в действиях аваров. В то же время это политическое объединение ограничивало восточнославянское влияние в северо-восточном Причерноморье, которое входило в хазаро-византийскую сферу интересов, тем самым, не давая третьей стороне вступить в противостояние за регион.

Оценки военной мощи каганата, приводимые исследователями на основе арабских источников, позволяют представить масштаб его мобилизационных возможностей. По расчетам И. Зимоньи, основанным на арабских источниках, кочевники-хазары были способны выставить против враждебных сил 10–12 тысяч воинов из числа тяжелой конницы. Помимо этого, следует учитывать вспомогательную военную силу лояльных соседних народов. Так, буртасы могли выставить 10 тысяч человек. Аналогичную наемную

службу могли потенциально нести некоторые группы аланов и сариров, а возможно, и волжские болгары. Примечательно, что независимое аланское государство в тот период располагало 30-тысячным войском. Таким образом, мобилизационная армия хазар даже в X в. могла достигать 40 тысяч человек. До миграции в Подунавье в данную коалицию входили протовенгры, имевшие также возможность предоставить 20 тысяч воинов в распоряжение хазар [7, с. 84–91].

Однако наряду с военной силой каганат активно использовал и политику «мягкого» влияния, особенно на северных периферийных территориях. Географически бассейны Северского Донца и Оскола, истоки которых упираются в новгород-северские земли, представляли собой естественный коридор для распространения политического влияния на славянское население лесостепной зоны (Рис. 2).

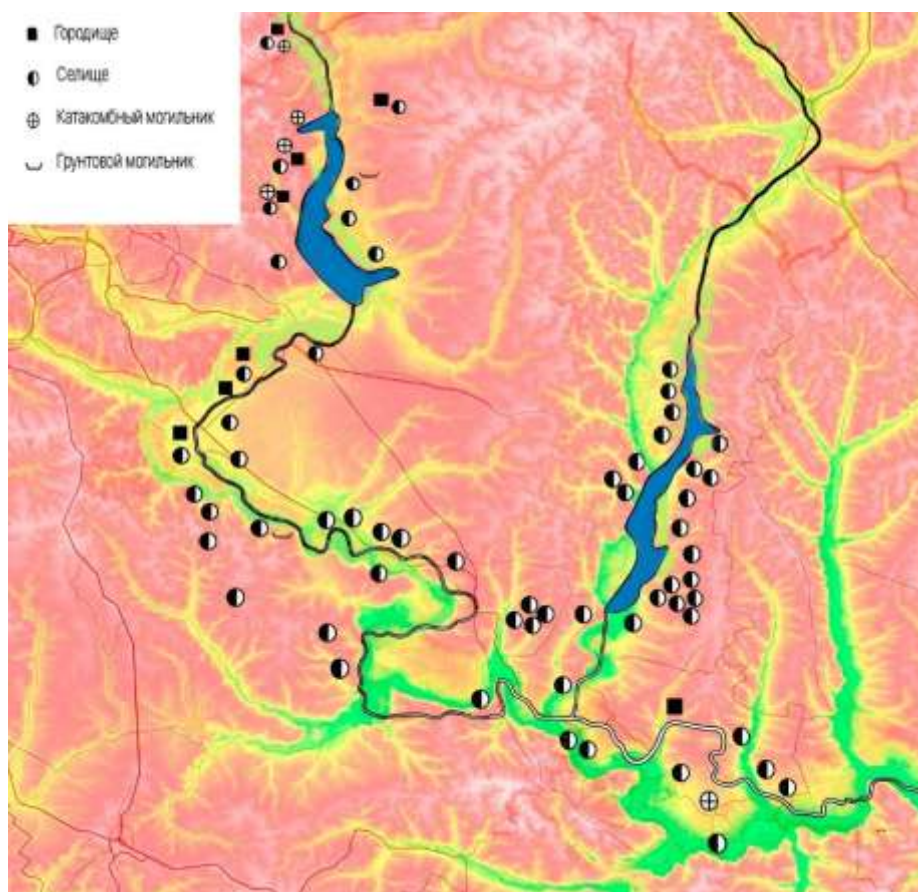

Рис. 2. Карта памятников салтово-маяцкой культуры в бассейнах р. Сев. Донец и Оскол

Именно здесь зафиксированы случаи переселения восточнославянских групп в пограничные области Хазарии, где они соседствовали с аланами, евреями, касогами и булгарами, образуя полиэтническую социальную структуру.

Данные водоемы протекают с севера на юг и что характерно своими истоками упираются в новгород-северские земли. Это, в свою очередь, дает особо значимую

возможность политического влияния на население Руси лесостепной зоны. Характер межэтнических отношений в этом регионе был неоднородным. Письменные источники свидетельствуют о тяжелой и длительной борьбе славян с хазарами и печенегами, тогда как контакты с аланским и болгарским населением складывались преимущественно мирно. Аланы и болгары, в VII–IX вв. в значительной степени перешедшие к оседлости, расселялись на юго-восточной периферии славянского этнического массива и, оказавшись на древнерусских землях, постепенно ассимилировались славянами [8, с. 330]. Археологические подтверждения этому находятся на Нижнем Дону, где выявлены памятники со славянской керамикой и каменными печами, а также в бассейне Северского Донца – поселения Полное, Митякинское/Закатное I, которые В.С. Флёрв рассматривает как зоны контактов болгарского и славянского населения [9, с. 13–14]. В свою очередь, В.В. Колода связывает городища Водяное и Коробовы с поздними северянами [10, с. 57].

Так, славянские поселения Подонья VIII–X вв. представлены как селищами, так и укрепленными городищами (Боршевские, Воргольское, Титчиха). По своему облику они сходны с поселениями северян [8, с. 318]. Стремясь усилить свои позиции на северо-западных рубежах и создать плацдарм для контроля над славянскими племенами, Хазарский каганат инициировал переселение части северокавказских алан в бассейн Оскола и Северского Донца [10, с. 61–62]. А.Н. Поляк заключает, что русы локализовались к западу и северу от Хазарского каганата, занимая территорию, которая на севере Хазарии достигала Волги, где проходила граница между ними и гузами (торками) [11, с. 88]. Интересно, что А.С. Щавелев рассматривает северян X – первой трети XI в. как автономное политическое образование, находившееся в зависимости сначала от Хазарии, а затем от Руси. По своему уровню развития и внутренней структуре оно было близко к вождеству [12, с. 116]. Вследствие длительного соседства с жителями северных провинций Хазарии у северян неизбежно возникали сходные черты в ведении хозяйства, и в первую очередь в земледелии – его ключевой отрасли [13, с. 30]. Вполне возможно, что значительная часть славян Донецкого края принадлежала к купцам. Во всяком случае активные славяно-хазарские торговые связи подтверждаются свидетельствами арабского путешественника Ибн Хордадбега, указывающего, что еврейские купцы говорят «по-славянски» [14, с. 123].

В то же время даннический характер взаимоотношений с рядом соседей предопределил враждебные настроения внешних сил, а также формирование центробежных факторов внутри страны с вытекающим упадком в военной сфере. С.Н. Темушев приводит множество исторических свидетельств о выплате славянами каганату дани в виде меха [15, с. 326–330]. В 965 г. древнерусский князь Святослав Игоревич совершает победоносный

поход против хазар с закономерными последствиями в виде разоренных вражеских городов, разгромленных ясов (аланов) и касогов, что в итоге привело к полному распаду государства [16, с. 45].

Вопрос о маршруте движения дружины Святослава неоднократно привлекал внимание исследователей. Большинство сходится на том, что удар по Саркелу наносился в обход поперечных линий укреплений междуречья Северского Донца и Оскола. О.Б. Бубенок отмечает удачность местоположения Саркела, прикрывавшего сухопутные оборонительные рубежи [17, с. 335]. С.А. Плетнева подтверждает, что хазарские укрепленные пункты в верховьях Северского Донца располагались в 10–20 километрах друг от друга, образуя, по сути, единую систему мощных оборонительных сооружений. К этой линии с северной и западной сторон вплотную примыкали славянские городища и селища, относящиеся к роменской и боршевской культурам [18, с. 7]. По всей видимости, войско князя форсировало Тихую Сосну, после чего продвигалось по правобережью Дона. Сама Тихая Сосна, вероятно, служила официальной границей между Русью и Хазарским каганатом [19, с. 18]. Лобовая атака через две естественные преграды представляется маловероятной, учитывая пересеченную оврагами местность и наличие многочисленных крепостей.

Поход Святослава Игоревича ознаменовал кардинальный поворот во внешней политике Древнерусского государства. Под контроль Руси перешел торговый путь по Дону и волок на Волгу, что фактически означало установление прочных союзнических отношений с Византией в противодействии кочевникам. Однако следует учитывать, что без регионального «арбитра» в лице Хазарии степи Восточной Европы оказались открыты для новых кочевых волн, что вскоре проявилось в активизации печенегов и других степных народов.

Заключение.

Проведенное исследование позволяет представить процесс формирования русско-хазарской этноконтактной зоны в восточной части Днепро-Донского региона в VIII–X вв. как результат действия нескольких взаимосвязанных факторов, каждый из которых вносил свой вклад в складывание этой пограничной системы.

Военно-политические и экономические предпосылки хазарской экспансии в регионе складывались из трех основных составляющих. Прежде всего, каганат стремился обезопасить свои северные периферийные территории и одновременно создать опорный плацдарм для распространения влияния на соседние славянские племена. Не менее значимым было стремление контролировать международные торговые артерии – в частности, путь, связывавший Волгу через Переволоку с Доном, а оттуда с Азовским морем

и Крымом. Эти коммуникации являлись для хазарской элиты одним из главных источников экономического благосостояния. Кроме того, геополитическое положение каганата как буфера между Европой и Азией позволяло ему сдерживать продвижение кочевых волн с востока, что создавало относительно стабильные условия для оседлого населения соседних регионов. Таким образом, экспансия на северо-запад была продиктована не только военно-стратегическими, но и экономическими и геополитическими соображениями.

Ключевую роль в организации этноконтактной зоны играла фортификационная система, возведенная хазарами в бассейнах Северского Донца, Оскола и Тихой Сосны. Выбор именно этого региона объяснялся его стратегическим положением: речные долины служили естественными коридорами, соединявшими степную и лесостепную зоны, а судоходность Северского Донца открывала выход к Дону и далее к византийским портам. Сосредоточение укреплений в данном районе позволяло каганату контролировать не только водные, но и сухопутные маршруты, ведущие в Крым и на Кавказ. Примечательно, что для строительства крепостей, в том числе Саркела, хазары привлекали греческих инженеров, что указывает на высокую геополитическую значимость региона в глазах как хазарской, так и византийской сторон. Хазарские городища в верховьях Северского Донца располагались с интервалом всего 10–20 километров, образуя тем самым сплошную цепь оборонительных пунктов, прикрывавших подступы к центральным областям каганата.

Этнический состав населения этой пограничной территории отличался выраженной полиэтничностью. Вхождение региона в орбиту хазарского влияния сопровождалось миграционными процессами, в результате которых здесь соседствовали славянские, аланские и болгарские группы. При этом характер взаимодействия между ними не был единообразным: если с хазарами и печенегами славяне вели вооруженную борьбу, то отношения с аланским и болгарским населением складывались преимущественно мирно. Археологические материалы – славянская керамика и каменные печи на Нижнем Дону, поселения с элементами разных культур в бассейне Северского Донца – фиксируют не только сосуществование, но и взаимное влияние этих групп. У северян, длительное время соседствовавших с жителями хазарских провинций, появлялись сходные черты в земледелии и других отраслях хозяйства. О высокой интенсивности контактов свидетельствует и сообщение Ибн Хордадбеха о том, что еврейские купцы владели славянским языком. Таким образом, лесостепное пограничье превратилось в пространство активного межетнического диалога, где хозяйственные и торговые интересы нередко преобладали над политическими противоречиями.

Геополитические последствия похода Святослава 965 г. оказались переломными для

всей системы отношений в регионе. Давление хазарской дани, фиксируемое многими источниками, создавало напряженность в отношениях с соседними народами, что наряду с внутренними центробежными процессами вело к ослаблению военного потенциала каганата. Поход князя Святослава Игоревича, в ходе которого дружина обошла поперечные линии укреплений между Северским Донцом и Осколом, ознаменовал разгром основных хазарских центров. Форсировав Тихую Сосну и продвигаясь по правобережью Дона, русское войско нанесло удар по Саркелу и другим опорным пунктам. Примечательно, что выбор маршрута, вероятно, учитывал и этнический фактор: движение через территории с преимущественно славянским и болгарским населением позволяло избежать разорения потенциально лояльных групп. Падение Хазарского каганата не только устранило его с политической карты, но и коренным образом изменило конфигурацию этноконтактной зоны. Под власть Руси перешел донской торговый путь с волоком на Волгу, что открывало новые перспективы для древнерусской торговли и одновременно укрепляло союзнические отношения с Византией. Однако утрата хазарского «буфера» имела и обратную сторону: степи Восточной Европы, лишившись сдерживающей силы, вскоре заполнились новыми кочевыми объединениями, что создало для Руси долгосрочную угрозу на южных рубежах.

Таким образом, формирование русско-хазарской этноконтактной зоны в восточной части Днепро-Донского региона представляло собой сложный и многоаспектный процесс, в котором переплетались военная экспансия, экономические интересы, миграционные движения и культурный синтез. Начавшись в VIII в., этот процесс привел к созданию разветвленной системы укреплений и устойчивых межэтнических связей, просуществовавших до середины X в. Военный поход Святослава положил конец хазарскому доминированию в регионе, но одновременно положил начало новому этапу – древнерусскому освоению юго-восточных земель и выстраиванию иной системы международных отношений в Восточной Европе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гриб В.К. Поселения хазарского времени в Северо-Восточном Приазовье и Центральном Донбассе (Бердянское, Безыменное, Веровка) : монография. – Ростов-на-Дону : ООО «Донской издательский Дом», 2022. – 264 с.
2. Березовец Д.Т. Об имени носителей салтовской культуры // Археологія. – Киев, 1970. – Т. XXIV. – С. 59–74.
3. Свистун Г.Е. Фортификация городища Верхний Салтов // Степи Европы в эпоху средневековья. – 2009. – Т. 7. – С. 459–478.

4. Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. – М. : Наука, 1990. – 264 с.
5. Константин Багрянородный. Об управлении империей. – М. : Наука, 1991. – 496 с.
6. Аласов И.Ф. Хазарский Каганат от Каспия до Востока (600–1000 гг.) // Евразийство и мир. – 2020. – № 1. – С. 38–45.
7. Zimonyi I. Muszlim források a honfoglalás előtti magyarokról. – Budapest : Balassi, 2005. – 347 p.
8. Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период / В.Д. Баран, Е.В. Максимов, Б.В. Магомедов и др. ; АН УССР, Ин-т археологии ; редкол.: В.Д. Баран (отв. ред.) и др. – Киев : Наук. думка, 1990. – 488 с.
9. Флёров В.С. Этнос в чужом окружении. Славяне на территории Хазарского каганата // Принос към българската археология. – 2019. – Т. IX. – С. 13–28.
10. Колода В.В. Контакты славянского мира и Хазарского каганата на Северском Донце: этнокультурный аспект // Поволжская археология. – 2015. – № 4 (14). – С. 54–91.
11. Поляк А.Н. Восточная Европа IX–X веков в представлении Востока // Славяне и их соседи. – М., 2001. – Вып. 10. – С. 79–107.
12. Щавелев А.С. Славянские «племена» Восточной Европы X – первой половины XI века: аутентификация, локализация и хронология // Stud. Slav. Balc. Petrop. (SSBP). Петербургские славянские и балканские исследования. – 2015. – № 2 (18). – С. 99–133.
13. Веретюшкина М.В. К вопросу о контактах населения Северской земли и Хазарии (на примере находок наконечников пахотных орудий) // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2010. – № 4 (16). – С. 30–40.
14. Ибн Хордадбех. Книга путей и стран / пер. с араб., коммент., исслед., указ. и карты Наили Велихановой. – Баку : Элм, 1986. – 428 с.
15. Темушев С.Н. Опыт прочтения летописного известия о дани восточных славян хазарам // Працы гістарычнага факультэта БДУ : навук. зб. – Мінск : БДУ, 2010. – Вып. 5. – С. 324–332.
16. Татищев В.Н. История российская с самых древнейших времен. – Кн. 2. – [Б.м.] : Печатано при Императорском Московском Университете, 1773. – 536 с.
17. Бубенок О.Б. Стратегическое положение Саркела в степях Волго-Донья // Боспорские исследования. – 2013. – № 28. – С. 318–346.

18. Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье: Дмитриевский археологический комплекс. – М. : Наука, 1989. – 288 с.
19. Афанасьев Г.Е. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII–X вв. Аланский вариант салтово-маяцкой культуры / отв. ред. В.В. Седов. – М. : Наука, 1987. – 200 с. – (Археологические открытия на новостройках ; вып. 2).

REFERENCES (transliteration from Russian to English)

1. Grib V.K. Settlements of the Khazar period in the Northeastern Azov region and Central Donbass (Berdyansk, Bezymennoye, Verovka) : monograph. – Rostov-on-Don : OOO "Donskoy Publishing House", 2022. – 264 p.
2. Berezovets D.T. On the name of the bearers of the Saltovo culture // Archeology. – Kiev, 1970. – Vol. XXIV. – pp. 59-74.
3. Svistun G.E. Fortification of the settlement of Verkhny Saltov // Steppes of Europe in the Middle Ages. 2009. Vol. 7. pp. 459-478.
4. Novoseltsev A.P. The Khazar state and its role in the history of Eastern Europe and the Caucasus. Moscow : Nauka, 1990. 264 p.
5. Konstantin Porphyrogenitus. On Empire Management. Moscow : Nauka, 1991. 496 p.
6. Alasov I.F. The Khazar Khaganate from the Caspian Sea to the East (600-1000) // Eurasianism and the World. 2020. No. 1. pp. 38-45.
7. Zimonyi I. Muszlim források a honfoglalás előtti magyarokról. – Budapest : Balassi, 2005. – 347 p.
8. Slavs of Southeastern Europe in the pre-state period / V.D. Baran, E.V. Maksimov, B.V. Magomedov et al. ; Academy of Sciences of the Ukrainian SSR, Institute of Archeology ; editorial board: V.D. Baran (ed.) et al. – Kiev : Nauk. Dumka, 1990. – 488 p.
9. Fleurov V.S. Ethnos in a foreign environment. Slavs on the territory of the Khazar Khaganate // Prinos km bulgarskata archeology. 2019. Vol. IX. pp. 13-28.
10. Koloda V.V. Contacts of the Slavic world and the Khazar Khaganate on the Seversky Donets: an ethnocultural aspect // Volga Archeology. – 2015. – № 4 (14). – Pp. 54-91.
11. Polyak A.N. Eastern Europe of the IX–X centuries in the representation of the East // Slavs and their neighbors, Moscow, 2001, issue 10, pp. 79-107.
12. Shchavelev A.S. Slavic "tribes" of Eastern Europe of the X – first half of the XI century: authentication, localization and chronology // Stud. Slav. Balc. Petrop. (SSBP). St. Petersburg Slavic and Balkan Studies. – 2015. – № 2 (18). – Pp. 99-133.

13. Veretyushkina M.V. On the issue of contacts between the population of the Seversk land and Khazaria (on the example of finds of tips of arable implements) // Scientific notes. Electronic scientific journal of Kursk State University. – 2010. – № 4 (16). – P. 30-40.
14. Ibn Khordadbeh. The Book of Paths and Countries / translated from Arabic, commentary, research, decree. and the cards of Naili Velikhanova. – Baku : Elm, 1986. – 428 p.
15. Temushev S.N. The experience of reading the chronicle news about the tribute of the Eastern Slavs to the Khazars // Pratsy gistarychnaga faculty of BDU : navuk. zb. – Minsk : BDU, 2010. – Issue 5. – pp. 324-332.
16. Tatishchev V.N. Russian history from the most ancient times. – Book 2. – [B.M.] : Published at the Imperial Moscow University, 1773. – 536 p.
17. Bubenok O.B. The strategic position of Sarkel in the steppes of the Volga-Don region // Bosporan studies. - 2013. – No. 28. – pp. 318-346.
18. Pletneva S.A. On the Slavic-Khazar borderland: Dmitrievsky Archaeological Complex, Moscow : Nauka Publ., 1989– 288 p.
19. Afanasyev G.E. The population of the forest–steppe zone of the Middle Don basin in the VIII-X centuries. The Alan version of the Saltovo-Mayak culture / ed. by V.V. Sedov, Moscow: Nauka, 1987, 200 p. (Archaeological discoveries in new buildings; issue 2).

Рецензент: Шалашников Геннадий Васильевич - доцент кафедры гуманитарных и специальных дисциплин ТФ ВГУЮ (РПА минюста России), канд. филос. наук.